

Речь Ливии Френкель

на памятном мероприятии в Нойенгамме

3 мая 2021 года

Я родилась в маленьком городе Сигет в Румынии (историческая область Семиградье), который до первой Мировой войны относился к Венгрии.

Население Сигета составляло 30000 жителей, треть из них были евреи. Нас в семье было четверо: отец, мать, моя старшая сестра и я. У отца было своё дело, он изготавливал гофрированный картон (коробки и прочее). И его дело шло хорошо, у нас было хороший доход и мы жили в очень красивом современном доме.

Моё детство было благополучным и счастливым. Не было никаких антиеврейских законов, кроме антисемитизма среди многих сограждан. Но это было нечто, с чем просто надо было свыкнуться. Так и я привыкла. Случалось, что я слышала в школе: «Ты, грязная еврейка, убирайся в свою страну, ты не нужна нам приличным христианам!» Не смотря на это у меня прекрасные воспоминания о детстве, я была в уютной тёплой атмосфере.

Я отчётливо помню 1 сентября 1939 года, когда началась война. Мама всхлипывала, слушая радио, и сказала, что она уже пережила одну войну (она имела в виду первую Мировую). И теперь она должна во второй раз переживать войну?

Сначала мы не были особенно затронуты войной, но мы слушали новости и знали, что Гитлер был успешен. В Европе капитулировала одна страна за другой и убийство евреев началось уже с момента оккупации Польши. Летом 1940 года Гитлер решил, что Семигорье должно снова перейти к Венгрии. В августе 1940 года наше гражданство поменялось с румынского на венгерское и наша жизнь изменилась совершенно. Венгрия

вступила в войну, были введены антиеврейские законы. И наша повседневная жизнь ограничивалась всё больше и больше.

До нас дошли слухи, что СС убивает евреев в Европе. Было очень сложно поверить, что такие цивилизованные люди как немцы решили запятнать себя такими зверствами. И мы решили не верить этим слухам. Так прошли четыре года, которые были довольно спокойными, если учитывать, что уничтожение европейских евреев всё это время продолжалось с большим размахом. Но мы-то жили по-прежнему дома с нашей семьёй!

Но зимой 1944 года Гитлер осознал, что он проиграл войну. Во всяком случае он был доволен, поскольку ему почти удалось "очистить" Европу от евреев. В Европе больше не было живых евреев, кроме 850 тысяч в Венгрии. И Гитлер решил, что раз уж ему суждено умереть, то он возьмёт эти 850000 евреев с собой в могилу. Он обратился к венгерскому президенту Миклошу Хорти и потребовал выдачи евреев. Хорти отказал, но тогда Гитлер сделал неожиданное: Он вошёл в Венгрию и оккупировал её, несмотря на то, что страны были союзниками.

В этот день в марте 1944 года, когда я в первый раз увидела немецких солдат на улице Сигета, я начала бояться за нашу жизнь. Теперь всё развивалось очень быстро. Первый закон принуждал нас носить жёлтую звезду. Это было на так уж плохо. Мы думали, если это всё, то мы будем носить эту звезду. Но через две недели пришёл второй закон. На краю города было сооружено гетто и от нас потребовали паковать наши вещи и готовиться к переселению в гетто. Было очень больно, покидать наш уютный дом и всё в нём. Но даже это было не так ужасно. Мы делали то, что от нас требовалось: собрали необходимые вещи и переехали в гетто. Потребовалось четыре недели, чтобы переселить 10 тысяч евреев из Сигета в гетто. Потом ворота закрылись. Никто больше не мог покинуть город или войти в него.

Через шесть недель в гетто нам сказали, что власти решили очистить гетто и переселить нас в другое место. Каждый из нас должен было паковать свой чемодан, не тяжелее 15 килограмм. Куда нас отправят? Никто не мог ответить нам на этот вопрос.

Снова прошёл слух, что немцы убивают евреев в Европе, но в это всё ещё было сложно поверить. Оптимисты среди нас говорили: пришла весна, и немцы будут нас, по-видимому, посылать на полевые работы.

Люди не могли сами заниматься сельскохозяйственными работами, поскольку все мужчины были на войне, поэтому, мол, этим должны заняться евреи. Нам это подходило. Пока семья оставалась вместе, всё было хорошо!

Мы собрали чемоданы и подготовились к поездке. Ранним утром мы стояли перед домом в гетто и венгерские солдаты пришли, чтобы забрать нас. Огромное количество людей покинуло гетто. Это была первая партия евреев, отправленная из Венгрии, 3001 человек. (Тогда я этого не знала, но сейчас я знаю, поскольку это подтверждается документами.)

Был прекрасный летний день, с ясным небом. Мы ехали по городу и я прощалась с домами, с моей старой школой. Я думала: "Это слишком прекрасный день, чтобы умереть". Таковы были мои чувства.

Мы прибыли на вокзал, где немецкие эсэсовцы и венгерские солдаты вместе занимались нами. Вагоны для перевозки скота, изначально предназначавшиеся для десяти лошадей, ожидали нас. В каждый вагон было помещено 80 человек. Мы получили 4 ведра: два — для нужды и два — с водой. Двери были заперты большими навесными замками и поезд тронулся в путь.

Я решила следить за тем, в каком направлении едет состав. Внутрь страны означало бы жизнь, но если он поедет в сторону границы, это будет означать смерть. На второй день он пересёк границу и мне стало ясно, что мы в Польше. Тогда я поняла, что мне придётся смириться с мыслью, что мы все умрём. Обстоятельства в вагоне были тяжёлыми. Было невозможно дышать.

Но самым тяжёлым был недостаток воды. Жажда сводила нас с ума. Поезд останавливался у многих вокзалов и я просила людей дать нам немного воды. Но они отворачивались, как будто они ничего не слышали. И никто не давал нам воды.

Поездка длилась три дня. На третий день поздно вечером поезд остановился и мы услышали сильный шум. Мы поняли, что это конечная станция. Я искала глазами название и прочитала польское название "Освенцим", внизу стояло по-немецки "Аушвиц-Биркенау". Я никогда не слышала об этом месте.

Двери вагонов были открыты и ужасная вонь проникла в наши носы. Мы спрыгнули на платформу и нас сразу же отделили от отца, не дав попрощаться с ним. Только женщины и дети остались. Царил хаос. Нам сказали, что мы должны оставаться на месте и ждать своей очереди. Мы могли видеть, что далеко от нас что-то происходило. Мы не знали, что. Была поздняя ночь, территория была освещена огромными прожекторами. И мы стояли там, мы трое: мама, моя сестра и я. Мы держались за руки. Мне кажется, мы не разговаривали, но я помню некоторые мои мысли. Я была практически уверена, что то последние часы моей жизни. Что нас всех убьют. Я только спрашивала себя, какой метод они применяют, чтобы убить так много людей.

Но нет, такой метод я не могла отгадать. Во всяком случае я прощалась с жизнью, надеясь, что всё пройдёт быстро и будет не больно.

Вдруг мы оказались перед офицером СС. На следующий день мы узнали, что это был др. Йозеф Менгеле, который нёс службу в эту ночь. Он решал, кто должен был жить, а кто умереть. Он показал на маму и отправил её налево. Потом он указал моей сестре направо и мне тоже. Мать не отпускала нас. Она отчаянно пыталась уговорить офицера: мы одна семья и хотим остаться вместе. Она спросила, не можем ли мы обе пойти с ней.

Но он был решителен, он сказал: "Нет! Вы, старшие, поедете на грузовике, а молодые пойдут пешком. Завтра вы снова увидите!" Мама всхлипывала: "Воды, пожалуйста, дайте мне воды." Тогда он рассердился и крикнул ей: "Нет, быстро, быстро! Если вы будете быстрее двигаться, быстрее получите воду!" Маме пришлось оставить нас. Её последние слова к нам были: "Заботьтесь друг о дружке, девочки!"

В эту ночь, с 17 на 18 мая 1944 года, моя мама и мой отец были убиты газом! И я не знаю, дали ли маме воды, прежде чем она должна была умереть...

Мы, молодые женщины между 15 и 40 годами, должны были идти пешком. Потом мы должны были перед большим баракom раздеться и войти в барак, в котором было много узников: женщин и мужчин. Все носили полосатую одежду. Мы должны были сесть и мужчины вышли вперёд и сбрили наши волосы. Таким образом нас лишили нашего человеческого достоинства. Потом мы должны были пойти в душ, получили одежду узников и вошли в лагерь. Мы прошли под надписью "Работа делает свободным" и женский оркестр встретил нас радостной музыкой.

Потом мы дошли до нашего барака, большого дома из кирпича. Между делом наступило утро и я вспомнила о том, что офицер сказал, что на следующий день мы увидим нашу маму. Поэтому я подошла к одной из наших надзирательниц и спросила: "Когда придёт мама?" Она посмотрела на меня, взяла меня за руку и потянула к окну. Там она показала на трубу, из которой выходил дым и пламя. "Видишь трубу?" - прокричала она. "Там горят твои родители, твоя семья. Не думай, что ты их когда-нибудь увидишь! Здесь не санаторий, ты, идиотка, ты приехала в лагерь уничтожения." Я застыла, глядя на неё, и не могла сказать больше ни слова.

Через шесть недель в Освенциме нам повезло быть избранными на принудительные работы и быть отправленными в Германию. После поездки в вагонах для скота, длившейся три дня, поезд остановился и я смогла прочитать название вокзала: Гамбург! Мне это показалось увлекательным, приехать в этот большой город, о котором я читала в моём

учебнике по географии. В Гамбурге нас разместили в здании, которое находилось на Дессауер Уфер. Я помню, как мы наслаждались красивым видом на Эльбу из окна.

Это были по-настоящему прекрасные дни, но, к сожалению, мы пробыли там лишь недолго. Мы были отправлены в другой лагерь в Веделе. И там мы должны были тяжело работать. Мы выполняли разные работы. Это место было далеко не таким красивым, как предыдущее. Через некоторое время нас перевели на третье место, называвшееся Айдельштедт. (Сегодня оно называется Луруп.) Там мы провели самое длительное время нашего заключения в Гамбурге. Примерно шесть месяцев.

Мы тяжело работали, нас постоянно преследовали голод и холод. Гамбург подвергался постоянным бомбардировкам, каждую ночь прилетали бомбардировщики союзнических войск и сбрасывали свой груз. Иногда мы желали себе попасть под снаряды, чтобы наши страдания наконец закончились, но этого не происходило.

В начале апреля эсэсовцы решили зачистить лагерь и нас снова загнали в вагоны для скота. После трёхдневной поездки мы достигли другого пресловутого места по имени Берген-Бельзен, где мы в конце концов были 15 апреля 1945 года освобождены британскими войсками. Везде царил хаос. Тиф и другие заболевания господствовали в лагере. Люди постоянно умирали. Прошло определённое время, прежде чем британцы смогли навести порядок. Через два месяца мы получили предложение поехать в Швецию. Благодаря случаю и с помощью шведского Красного креста в июле 1945 года мы попали в Швецию.

76 лет прошли с тех пор, как мы (моя сестра Хеди и я) были рождены снова и наша новая жизнь в Швеции началась. Я оглядываюсь в мире и то, что я вижу, не очень-то вселяет надежду. Мы думали, что в Освенциме мы достигли пика ненавистничества к евреям, ужасного антисемитизма. Но мы ошиблись...

Антисемитизм показывает своё уродливое лицо повсюду на Земле, даже в нашей собственной стране, Швеции. Антисемитизм, вкупе с ксенофобией и расизмом! К несчастью, в нашем парламенте сейчас расистская партия «Шведские демократы», которая развилась в третью по величине партию! Мне становится страшно, когда я это слышу. Её

цель — выслать всех переселенцев из страны и контролировать газеты и общественные структуры. Это была с самого начала однозначная нацистская партия. Она распространяет ненависть, прежде всего к мусульманам.

В феврале прошлого года, когда я начала писать эту речь, мы ещё не знали, как быстро изменится наша жизнь. Кто слышал когда-либо слово «Корона»? От моей поездки в Гамбург в мае прошлого года пришлось отказаться, так же, как и в этом году. Я очень благодарна, что я до сих пор не затронута этой болезнью. В настоящее время я уже привита.

Я очень старая женщина, одна из последних выживших узников. Последние 30 лет я занималась тем, что ездила по стране и встречалась со шведской молодёжью. Я читаю лекции о второй Мировой войне и свидетельствую от том, что может произойти, если допустить, чтобы ненависть и насилие захватят общество. И насколько важно подчёркивать равноправие всех людей!

Я благодарна своей судьбе за то, что после войны у меня была такая хорошая жизнь. Я вышла замуж за немецкого еврея, Ханса Френкеля, рождённого в городе Вупперталь-Эльберфельд. Он умер после 53 лет нашего брака в 2000 году. У нас трое детей и шесть внуков. И сегодня у меня большая семья с 15 правнуками. Это заставляет меня ценить жизнь. У моей сестры Хеди, которая старше меня на 4 года, тоже всё в порядке. И у неё большая семья с десятью правнуками.

Это значит, Гитлеру не удалось уничтожить нас. Мы — те, кто победил. Наша жизнь продолжается в следующих поколениях!

Мы живём вечно...